

Глава 16. Праздная прогулка

Время летело незаметно. Во Внутреннем кабинете, похоже, снова навалилось дел: Е Чжэнь опять уходил на рассвете и возвращался глубокой ночью. Поначалу Шуанчэн прилежно разыгрывал покорность. Каждое утро и вечер он исправно отправлялся в покои старшего брата для традиционных поклонов, но самого хозяина там почти никогда не заставал. Пару раз они всё же пересеклись, но мельком, на ходу — и говорить не о чем. В итоге, пользуясь отсутствием грозного опекуна и понимая, что приструнить его в усадьбе больше некому, младший барин окончательно потерял страх.

Этим утром он, как и положено благовоспитанному младшему брату, чинно проводил Е Чжэня до ворот. Стоило запряжённому восьмёркой носильщиков паланкину скрыться за поворотом, как Шуанчэн шумно выдохнул. Он мгновенно выпрямился, почувствовав былую лёгкость в ногах. Сцепив руки за спиной, он застыл на пороге поместья. Улица перед воротами уже бурлила жизнью: сновали прохожие, зазывали торговцы. Глядя на эту суету, юноша почувствовал непреодолимый зуд — безумно захотелось сбежать наружу, глотнуть хмельного воздуха свободы.

Тут как тут вырос старый управляющий и заворчал с самым благожелательным видом:

— Второй господин, пусть его милости сегодня и нет дома, он строго-настрого велел вам посвятить день книгам. Не извольте баловаться и забывать о деле.

Шуанчэн покосился на него, мысленно обзывая старого ворчуна надоедливой мухой.

«Ишь, разболтался!»

Уезжая, Е Чжэнь действительно велел ему штудировать трактат «Хуайнянь-цзы». Вот только какая радость в зубрёжке сухих свитков? Сейчас его душа требовала приключений.

Круто развернувшись, Шуанчэн бросил через плечо:

— А теперь, почтенный, сделай милость — катись-ка отсюда подобра-поздорову.

Старик заискивающе хмыкнул и мгновенно испарился.

Шуанчэн неспешно побрёл в сторону Восточного двора. Небо дышало ранней осенью: ласковое солнце грело макушку, лёгкий ветерок шелестел листвой — идеальный день для прогулки. Ну разве не кощунство чахнуть над свитками в такую благодать?

Укрепившись в этой мысли, юноша огляделся по сторонам. Убедившись, что следить за ним некому, он развернулся и устремился обратно к воротам. Охранявшие выход слуги попытались было заикнуться о запрете, но Шуанчэн быстро приструнил их парой крепких угроз.

Напуганные стражники услужливо распахнули створки, выпуская беглеца на волю.

Оказавшись за порогом, Шуанчэн почувствовал себя птицей, вырвавшейся из клетки. Счастливый до беспамятства, он ринулся напрямик в самое сердце столичной суеты.

Улицы сияли пестротой вывесок и нарядных одежд прохожих. От обилия лавок у юноши разбежались глаза. Пошатавшись туда-сюда, он уловил доносившийся из кондитерской лавки умопомрачительный сладкий аромат и, не раздумывая, перешагнул порог. пышные, искусно украшенные сласти растравили его аппетит. Выбрав любимое лакомство, он потянулся к поясу и похолодел: кошель остался дома. Возвращаться назад за монетами — значит погубить всю затею. Немного посомневавшись, Шуанчэн решительно сорвал с пояса подвеску из молочно-белого нефрита и протянул хозяину лавки в обмен на завернутые в бумагу пирожные «Лотос».

Прижимая к груди заветный сверток, счастливый Шуанчэн зашагал к выходу, но прямо на пороге налетел на какого-то прохожего. Пакет выскользнул из рук, и пирожные покатались по грязной мостовой, мгновенно покрывшись серой пылью. Есть их теперь было невозможно.

Досада за потерянное лакомство мгновенно переросла в ярость. Тыча пальцем в обидчика, юноша вскипел:

— Эй! Тебе что, повылазило? Смотри, куда прешь!

Прохожий оказался молодым господином утончённой красоты. Его миндалевидные глаза-полумесяцы светились лукавством, а нено-сиреневый шёлковый халат выгодно подчёркивал статную фигуру. Поигрывая изящным складным веером, он приподнял бровь, усмехнулся и смерил буяна оценивающим взглядом:

— Какая забавная дерзость. Любезный, ты сам налетел на меня, я закрыл на это глаза, а ты ещё и сыплешь бранью? Где же здесь логика?

Шуанчэн заметил за его спиной нескольких молчаливых слуг с мечами на поясах. Связываться с такой свитой было себе дороже. Сменив гнев на купеческий расчёт, он указал на растоптанные сладости:

— Я только что купил эти пирожные «Лотос»! Ни кусочка попробовать не успел, а ты их сгубил. Плати давай!

Молодой барин бросил взгляд на сиротливо лежащие в грязи крошки. Связываться с вздорным малым ему не хотелось, и он уже повернулся к слугам, намереваясь велеть им купить новые, как вдруг из лавки выскочил запыхавшийся хозяин. Он протянул Шуанчэну новый, исходящий паром сверток:

— Ох, молодой господин! Ваша нефритовая подвеска стоит целое состояние. Вот, возьмите ещё

одну коробку в счёт сдачи, только не серчайте, не поминайте лихом!

Шуанчэн без лишних церемоний выхватил сверток. Потеря дорогой драгоценности его нисколько не заботила. Презрительно фыркнув в сторону лилового щеголя, он гордо зашагал прочь.

Тот лишь негромко рассмеялся вслед чудному юноше и поспешил по своим делам, быстро забыв о нелепой встрече.

С аппетитом уплетая пирожные на ходу, Шуанчэн продолжил свое триумфальное шествие по столичным улицам. Всё, что имело хоть какую-то ценность на его одежде, безжалостно шло в ход вместо монет. Покончив с пирожными «Лотос», он переключился на засахаренный боярышник, умяв две шпажки разом, затем расправился с карамельным леденцом. У самого перекрёстка его пленил аромат свежего бульона — там варили простую домашнюю лапшу. Шуанчэн уселся на грубую лавку и с шумом приговорил две огромные чаши. Лишь когда сумерки начали сгущаться над черепичными крышами, он сыто вытер рот рукавом и, бесконечно довольный собой, побрёл обратно в поместье.

Проскользнув в свои покои, юноша сразу принялся перерывать сундуки и полки, пока наконец не выудил на свет запылившийся свиток «Хуайнянь-цзы». Наспех пробежав глазами пару абзацев для очистки совести, он уселся за стол. Вскоре прибежал слуга со двора с вестью о том, что Глава кабинета вернулся. Шуанчэн тут же принял максимально сосредоточенный вид, не отрывая взгляда от иероглифов. Лишь когда из переднего терема позвали к ужину, он с глубоким вздохом закрыл книгу и с самым невозмутимым видом, заложив руки за спину, последовал за служанкой в столовую.

Е Чжэнь как раз переодевался в личных покоях. Вернувшись из дворца, он поспешил сбросить тяжелое, расшитое золотом церемониальное платье, сменив его на лёгкий домашний халат.

Услышав шаги брата, он вышел из-за ширмы и мягко улыбнулся:

— Ну как твой день? Прилежно ли занимался? Прочёл «Хуайнянь-цзы»?

Шуанчэн усердно закивал, стараясь не выдать волнения. Перед ним стоял статный мужчина в простом нежно-голубом одеянии, от которого веяло тонким ароматом дорогой туши и сандала. Весь облик старшего брата дышал благородством и мудростью. Казалось бы, такой мягкий, интеллигентный человек должен вызывать лишь симпатию и доверие, однако Шуанчэн слишком хорошо знал: за этой безупречной вежливостью скрывается стальной характер, шутки с которым плохи. По счастью, слуги начали расставлять блюда, и Е Чжэнь не стал допытываться, лишь обронил, что проверит его знания через пару дней.

Облегчённо вздохнув, Шуанчэн омыл руки и уселся за стол.

Вот только уличные яства дали о себе знать: желудок юноши был забит под завязку. Смотреть

на еду он не мог. Изнывая от скуки перед тарелкой с тушёной зеленью, он принялся лениво тыкать палочками в стручки фасоли, гоняя их по фарфоровому блюду.

Е Чжэнь долго терпел это ребячество, но в конце концов нахмурился:

— Ешь по-человечески или отложи палочки. К чему эти капризы за столом?

Шуанчэну только того и надо было. С радостью решив избавиться себя от пытки едой, он небрежно швырнул палочки на стол. Но не рассчитал силы — те отскочили от края тарелки и едва не полетели Е Чжэню прямо в лицо. От собственной дерзости у младшего сердце ушло в пятки. Он поспешно вскинул руки, лепеча оправдания:

— Брат, братец, видит небо, я случайно! Честное слово, не сердись!

Уставший за день Е Чжэнь лишь тяжело вздохнул — спорить и отчитывать сорванца у него просто не осталось сил.

— Совсем разбаловался, — устало обронил он. — Не хочешь есть — ступай к себе и подумай над своим поведением.

Шуанчэн спорить не стал: послушно изобразив на лице раскаяние, он поплёлся к выходу. Разумеется, стоило ему переступить порог Восточного двора, как от мнимого стыда не осталось и следа. Выудив из клетки припрятанного сверчка, он принялся увлечённо натравливать его на соломинку, попутно препираясь со слугой Цю Мином и заливаясь звонким смехом на всю усадьбу.

Позже вечером в коридоре раздались шаги Е Чжэня. Решив, что брат пришёл учинить допрос, испуганный Шуанчэн пулей взлетел на постель, натянул одеяло до самого носа и зажмурился, притворяясь спящим.

Войдя в тихую комнату, Е Чжэнь застал лишь мерное дыхание брата. Смягчившись, он бесшумно подошёл ближе, бережно подоткнул сползшее одеяло, опустил тонкий шёлковый полог кровати и задул свечу. Убедившись, что с младшим всё в порядке, он тихо притворил за собой дверь. Смертельно уставший за день, он наконец мог отправиться на покой.

Государственные дела в последнее время напоминали растревоженный улей. Не успел утихнуть громкий скандал с казнокрадством губернатора в провинции Цзинъань, как Великие наставники наследного принца пожаловались Его Величеству на крайнюю лень царственного ученика. Рассерженный император лично поручил Е Чжэню взять под надзор занятия наследника престола и проверять его сочинения. Вдобавок к этому главе кабинета регулярно приходилось читать лекции в Зале Развития Литературы. В этом бесконечном водовороте забот у него совсем не оставалось времени на младшего брата, и от этого на душе у Е Чжэня всякий раз скреблись кошки.

<http://bllate.org/book/18190/1749604>